

ОБНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ В СТИХОТВОРЕНИИ И. БРОДСКОГО «НОВЫЕ СТАНСЫ К АВГУСТЕ»

В. В. Полякова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vika.jerry.polykova@mail.ru*

На основе анализа стихотворения И. Бродского «Новые стансы к Августе» выявляются особенности использования поэтом жанровой формы стансов. И. Бродский обращается в своей поэзии к жанровым формам как к одному из основных способов смыслопорождения. С помощью взаимодействия с традицией и интертекстуальности его стихотворения позволяют расширить и обновить традиционную жанровую систему. Соединяя свою художественную индивидуальность и диалог с уже существующим культурным пластом, И. Бродский создает поэтические тексты, которые играют важную роль в общем литературном процессе.

Ключевые слова: И. Бродский; стансы; жанровая форма; традиция; интертекстуальность.

АБНАЎЛЕННЕ ЖАНРАВАЙ ФОРМЫ Ё ВЕРШЫ І. БРОДСКАГА «НОВЫЯ СТАНСЫ ДА АЎГУСТЫ»

В. В. Палякова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, vika.jerry.polykova@mail.ru*

На аснове аналізу верша І. Бродскага «Новыя стансы да Аўгусты» выяўляюцца асаблівасці выкарыстання паэтам жанравай формы стансаў. І. Бродскі звяртаецца ў сваёй паэзіі да жанравых формаў як да аднаго з асноўных спосабаў сэнсатворнасці. З дапамогай узаемадзеяння з традыцыяй і інтэртэкстуальнасці яго вершы дазваляюць пашырыць і абнавіць традыцыйную жанравую сістэму. Злучаючы сваю мастацкую індывідуальнасць і дыялог з ужо існым культурным пластом, І. Бродскі стварае паэтычныя тэксты, якія граюць важную ролю ў агульным літаратурным працэсе.

Ключавыя словы: І. Бродскі; стансы; жанравая форма; традыцыя; інтэртэкстуальнасць.

Одной из важных составляющих в творчестве И. Бродского является взаимодействие с традицией. Это проявляется и в использовании поэтом жанровых номинаций (ода, элегия, идиллия (эклога), песня, романс, баллада, антология, послание (письмо), басня (притча), сонет, отрывок, подражание, стансы, цикл и др.), которые чаще всего выносятся в заглавие.

Они составляют одну из основ интертекстуальности, которая является характерной чертой поэзии И. Бродского. Не случайно «среди изданных русских поэтических произведений И. Бродского стихотворения, содержащие в заглавии эти жанровые определения, составляют около 10 процентов» [1]. Этому посвящена книга А. М. Ранчина «“На пиру Мнемозины”: Интертексты Иосифа Бродского». Осознанная «вторичность» лирики И. Бродского проявляется в использовании им целого комплекса интертекстуальных связей (интерес к классическим жанрам, обращение к подражанию, цитация и т.д.). Важно отметить, что интертекст у И. Бродского не является обычной повторяемостью или возвращению к предыдущим эпохам. Он перерабатывает имеющийся литературный опыт в соответствии со своим мироощущением и тенденциями современной ему культуры. Таким образом, с помощью диалога он вписывает свое имя в канву мирового литературного процесса и обновляет существующие традиции.

Среди жанровых заглавий в лирике И. Бродского мы встречаем такую форму, как «стансы». Стансы не имеют единого определения, так как их основная суть, черты, как и история, эволюция в литературах разных стран отличается. При этом сама форма стансов не стала цельной и не закрепились как отдельный жанр. Для расшифровки понятия воспользуемся определением из литературной энциклопедии: «стансы – лирическое стихотворение, состоящее из строф (от 4 до 12 стихов в каждой), композиционно законченных и обособленных друг от друга» [2, с. 9]. Однако в более узком смысле стансы – «традиционная строфа, известная также под названием октавы» [3, с. 432]. Стансы возникли в Италии именно как синоним строф. Стансы стали классической формой эпической поэзии, ими были написаны произведения Дж. Г. Байрона («Дон-Жуан», «Чайльд-Гарольд»), М. Ю. Лермонтова («Аул Бастунджи»), А. С. Пушкина («Домик в Коломне»). Таким образом, стансы можно отнести к лироэпосу.

В русскую поэзию стансы пришли под влиянием Франции и Англии в конце XVIII – начале XIX вв. Известность этому жанру принесло стихотворение А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Оно стало своеобразным отражением основных черт и традиций стансов как жанра в русской лирике.

Отдельное место в творчестве И. Бродского занимает стихотворение «Новые стансы к Августе» (1964), которое вошло в одноименный сборник, ставший утверждением поэтики раннего И. Бродского. Поэт определял его как «сборник стихов за двадцать лет с одним, более или менее, адресатом. И до известной степени это главное дело моей жизни» [4, с. 317]. Единственным адресатом была возлюбленная И. Бродского Марина Басманова (во многих стихотворениях сборника есть посвящение «М. Б.»).

Одной из тенденций в истории стансов была любовная тематика, стихотворения посвящались возлюбленным. А. И. Бродский посвятил «М. Б.» целый сборник, вынеся в заглавие жанровую форму стансов. И сборник стал историей их отношений. Именно поэтому И. Бродский сравнивал его с «Божественной комедией»: «К сожалению, я не написал “Божественной комедии”. И, видимо, уже никогда ее не напишу. А тут получилась в некотором роде поэтическая книжка со своим сюжетом – по принципу скорее прозаическому, нежели какому бы то ни было другому» [4, с. 317].

Стихотворение «Новые стансы к Августе» является одной из глав целого сборника. Прозаичность сборника проявляется в стихотворении как на структурном, так и на содержательном уровне. Б. Шерр относит «Новые стансы к Августе» к «свободно зарифмованным» и «нестрофическим» стихотворениям [5, с. 293-294]. Каждая из 12 частей стихотворения имеет разное количество строк, не создавая никакой закономерности. Благодаря этому мы воспринимаем его как единый текст, а повествование развивается равномерно. При этом сохраняется главная черта стансов – обособленность строф, которые в данном случае являются отдельными частями. Содержание стихотворения и то, как автор выстраивает сюжет, выявляет в нем эпическое начало. Таким образом, в «Новых стансах к Августе» И. Бродский обращается к жанру стансов как к лироэпической форме. Так как стихотворение названо так же, как и сборник, то можно определить его как центральное, а значит, эпическое начало появляется здесь не случайно и соответствует общей идее прозаизации.

Интертекстуальность появляется в заглавии, отсылая нас к «Стансам к Августе» Дж. Г. Байрона. Скорее всего, И. Бродский познакомился с этим текстом в переводе Б. Пастернака. «Стансы к Августе» Байрон посвятил своей сводной сестре, из-за любви к которой он вынужден был уехать из Англии. Находясь в одиночестве, практически в изгнании, он пишет романтическое стихотворение.

На первый взгляд, тематика (мотив одиночества, любовные переживания) и образы (природы, птицы) двух стихотворений перекликаются. Но романтическая традиция, свойственная Байрону, не находит отражение у И. Бродского. Природа у Байрона – спасение, помощь («Есть в пустыне родник, чтоб напиться, / Деревцо есть на лысом горбе, / В одиночестве певчая птица / Целый день мне поёт о тебе»), а у И. Бродского она становится враждебной, холодной («Дождь лил всю ночь. / Все птицы улетели прочь»). В этом проявляется экзистенциальный характер поэзии И. Бродского.

Расставшись со своей возлюбленной, лирический герой находится наедине с природой, которая становится выражением его внутренних переживаний и чувств, его двойником («образ мой второй», «мешается

с другими двойниками»). Холод, дождь, сумерки окружают лирического героя, и не находит он надежды на спасение («Холодный небосвод разрушен. / Дождь стягивает просвет»).

Природа наделяется мифологическими чертами. Время действия в стихотворении – начало сентября («во вторник начался сентябрь», «бушует надо мной четверг»). Сентябрь символизирует начало увядания, что и происходит с лирическим героем и его чувствами. А всего пару дней назад был август, где не было места одиночеству, дождям и тьме. Лирический герой находится между двумя состояниями природы, с ходом повествования все больше погружаясь во мрак.

Образ света в стихотворении связан со светлым прошлым и обращением к Богу («Известную Тебе лишь искру / гаси, туши», «Ты, Боже...»). Но и здесь он не находит выхода из своего одиночества («темнеет надо мною свет»). Лирический герой постепенно теряет себя («Да, здесь как будто вправду нет меня»), становится сторонним наблюдателем своих чувств, так как не может больше выносить душевную боль («Ты, Боже, отруби ладонь мою...»: пять пальцев на ладони соотносятся с «пятернею чувств»). Природа представляется миром материальным, земным. Метафора «в двадцать ватт горит луна» – реминисценция из «Баллады» В. Ходасевича («на солнце в двенадцать свечей»). Свет природы напоминает свет от электрической лампочки: он неживой, холодный.

В 10-ой части стихотворения возникает тема творчества («тень еще глядит из-за плеча / в мои листы и роется в корнях / оборванных») и образ возлюбленной в виде призрака. Хотя любовные переживания еще остались в сердце, воспоминания и образы отдаляются от лирического героя:

Да, сердце рвется все сильней к тебе,
и оттого оно – все дальше.
И в голосе моем все больше фальши [6, с. 225].

Не найдя спасения в природе, он ищет его в творчестве.

Мифологические образы появляются на протяжении всего стихотворения («друг Полидевк», «склоняясь к темному ручью, / гляжу с испугом» – образ Нарцисса, «отросток лиры вересковой», Эвтерпа, Каллиопа). В последней части адресатом становится Эвтерпа – муза лирической поэзии. Лирический герой отделился от реального мира, ушел в мир «невыразимой божественности» [7, с. 401]. Придя к конечной точке, герой хочет найти ответ в творчестве. Но и здесь «счастье» только «чудится». Обращаясь к музам, он спрашивает, как «перейти на иноходь с галопа», то есть как найти собственную манеру, а не подражать другим. Творческие поиски остаются неразрешенными, потому что ни Эвтерпа, ни Каллиопа

(муза эпической поэзии) не могут помочь лирическому герою. Таким образом, лирический герой остается один как в мире реальном, так и в мире духовном (мире творчества).

Не случайно автор упоминает двух муз: лирической и эпической поэзии. Лирика И. Бродского действительно обладает эпическими чертами, именно поэтому жанр стансов у него объединяет несколько традиций и в сборнике «Новые стансы к Августе» уже очевидно выходит за рамки лирического стихотворения.

Таким образом, «Новые стансы к Августе» приобретают черты эпической поэзии (традиции Дж. Г. Байрона), а стансы используются как лироэпическая форма. При этом форма и содержание у И. Бродского содержат черты его собственной поэтики, что ведет к значительному обновлению традиционной жанровой формы стансов, а возникающие интертекстуальные связи позволяют включить его стихотворения в историю русской и мировой поэтической традиции. Таким образом, «Стансы» И. Бродского занимают отдельное место как в развитии и становлении данной жанровой формы, так и в творчестве самого поэта.

Библиографические ссылки

1. *Ранчин А. М.* «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского [Электронный ресурс]. М. : Новое литературное обозрение, 2001 (Научная библиотека «Нового литературного обозрения». Вып. XXX). URL: <https://coollib.com/b/249351-andrey-mihaylovich-ranchin-na-piru-mnemozinyi-interteksty-i-iosifa-brodskogo/read#t13> (дата обращения: 25.09.2022).

2. Литературная энциклопедия : в 11 т. / А. В. Луначарский (гл. ред.). Москва : Гослитиздат, 1939. Т. 11 : [Стансы – Фортегуерри].

3. Станс // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

4. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским / Вступительная статья Я. Гордина. М.: Издательство Независимая Газета, 2000.

5. *Шерр Б. П.* Строфика Бродского: новый взгляд // Как работает стихотворение Бродского: Из исслед. славистов на Западе : сборник / ред.-сост. : Л. В. Лосев, В. П. Полухина. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 269–299.

6. *Бродский И.* Стихотворения и поэмы : в 2 т. Т. 1 / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Л. Лосева. СПб. : Изд. группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2018.

7. *Полухина В.* Метаморфозы «я» в поэзии постмодернизма: двойники в поэтическом мире Бродского // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Helsinki: Literary univ., 1996. С. 391–407.